R 115/662

R 115/662

А. ГРИГОРЬЕВ

КЛАССОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В НАШИ ДНИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

R 115/662

А. ГРИГОРЬЕВ

20 2142

КЛАССОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В НАШИ ДНИ

(*ЗАМЕТКИ*)

28-27309
ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р
Библиотека ордена Ленина им. В. И. Ленина
55-2801

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
I. Как борется классовый враг за молодежь. 5
II. „Какова же наша молодежь?“ 17
III. Не падать и не загнивать. 28
IV. Задачи классового воспитания 36
V. Борьба за новый быт и комсомол 49

2007113453

Главлит № А 13050. Изд. зак. № 2685. Тираж 5.000 экз.
в 3-я тип. ТРАНСПЕЧАТИ.

ОТ АВТОРА

Настоящая брошюра преследует цель поставить ряд вопросов по классовому воспитанию современной трудящейся молодежи. Она ни в коей мере не претендует на изложение проблемы коммунистического воспитания в целом. Многие крупные вопросы, например, о мещанстве, обывательщине взяты конспективно. За недостатком времени совсем не разобран вопрос о формах и методах союзной работы в связи с современными задачами классового воспитания—хотя это и очень важный вопрос. Но мы надеемся, что и в таком виде брошюра представит из себя материал, который можно использовать в связи с работой VIII с'езда ВЛКСМ.

I. КАК БОРЕТСЯ КЛАССОВЫЙ ВРАГ ЗА МОЛОДЕЖЬ

Мы живем в противоречивых условиях—это истина, не требующая доказательств. Пролетариат, а под его руководством и массы трудящихся строят социализм в обстановке постоянной борьбы с враждебными им классовыми силами. Эти силы внутри нашей страны олицетворены в нэпмане, кулаке, в надевшем советскую маску старом чиновнике и буржуазном интеллигенте. Эти силы—силы старого мира—олицетворены в уйме старых привычек, предрассудков, обычаев.

Ожесточенная борьба с силами старого мира происходит не только в экономике, но и в идеологии, культуре и быту. Неверно думать, что все отрицательные явления нашей жизни суть отрыжки старого, удержавшиеся в быту благодаря традициям, инерции, не имеющие под собой никакого фундамента, никакой почвы. Они еще, к сожалению, имеют под собой почву, из которой берут соки для своей жизни и даже для некоторого своего временного роста. Нэпман и кулак, многочисленные старые предрассудки и вредные привычки свои корни имеют в мелком товарном хозяйстве, в раздробленном на мельчайшие единоличные кусочки сельскохозяйственном производстве, в отсталой технике.

Ни Октябрьская революция, ни 10 лет борьбы и строительства не уничтожили еще мелкого товарного производ-

ства, мелкого крестьянского хозяйства. И этого, конечно, нельзя было сделать одним махом или даже в течение 10 лет. Мелкобуржуазную экономику нельзя было и невозможно вообще уничтожить механически — «прогнать», «расстрелять», «посадить в тюрьму», что мы сделали с капиталистами и помещиками. Ее нужно преодолевать, крестьянство нужно переделывать, перевоспитывать. Это может быть достигнуто повышением техники и социалистическим кооперированием сельского хозяйства.

Мы, по сути дела, только сейчас приступаем к социалистической перестройке деревни. Эта работа будет вестись не только годами, но и десятилетиями, и захватит несколько поколений. И именно в этом—в коренной переделке экономическо-технической базы крестьянского хозяйства—гвоздь социалистического строительства. Жива и современна, дышит глубочайшим историческим смыслом следующая мысль Ленина, высказанная им в 1921 г.: *„Хотя мы ведем не последний, а один из последних и решительных боев, единственно правильный ответ на вопрос: „с кем мы поведем сегодня один из решающих боев?" — гласит: с мелкобуржуазной стихией у себя дома"*.

Именно по этой линии направлены сейчас все усилия партии. Индустриализация страны, сопровождающаяся рационализацией существующей промышленности, ставка на крупное общественное сельскохозяйственное производство,— все эти конкретные задачи преследуют собой преодоление мелкобуржуазной экономики.

Но смешно и глупо было бы думать, что раз дело решается в конечном счете экономикой и техникой, то идеология сейчас—это дело, по меньшей мере, второстепенное. Остатки капитализма сопротивляются не только в экономике, но и в идеологии. Пролетариат, носитель новых производственных и общественных отношений, прин-

циально враждебных мелкобуржуазной стихии, не может успешно бороться с мелкобуржуазной экономикой, не развивая соответствующего темпа, глубины и размаха в борьбе с мелкобуржуазной идеологией, с остатками старого в культуре и быту. XV партийный с'езд, резко подчеркнув необходимость более решительного наступления пролетариата на частно-капиталистические элементы, понимал под ними и фронт экономики и фронт идеологии, культуры и быта.

С'езд указал на то, что достигнутый нами успех в социалистическом строительстве— „*не означает, однако, устранения трудностей, опасностей и противоречий, связанных с особенностями нашего роста, с технико-экономической отсталостью страны и с напором враждебных пролетариату социально-классовых сил, в систематической борьбе с которыми только и можно достигнуть преодоления этих трудностей и дальнейшего продвижения к социализму*". Даже больше: „*Несмотря на ведущую и все возрастающую роль социалистического хозяйственного ядра, под'ем производственных сил экономики СССР* **неминуемо** (подчеркнуто мною — *А. Г.*) *сопровождается частичным нарастанием классовых противоречий. Частнокапиталистические слои города и деревни, смыкающиеся с некоторыми бюрократическими элементами советского и хозяйственного аппарата, стремятся усилить свое противодействие наступлению рабочего класса, пытаются оказывать враждебное пролетарской диктатуре влияние на определенные слои служащих и интеллигенции, на отсталые слои кустарей и ремесленников, крестьян и рабочих. Это влияние проявляется также в области культурно-политической и идеологической (проповедь сменовеховства, лозунг кулацкого «крестьянского союза», шовинизм, антисемитизм, проповедь буржуазно-демократических «свобод»*

и связанный с ней мелкобуржуазный оппозиционный лозунг двух партий и т. д.)". Поэтому—„*Съезд считает необходимым в дальнейшем всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте*".

В области идеологии происходит смертельная борьба классов. В первую очередь взгляды наших классовых врагов устремлены на молодежь. Ибо, в самом деле, вопрос «кто кого?» решится тем, какой вырастет подавляющая масса подрастающего поколения. Выйдут из этого поколения администраторы, хозяйственники, литераторы, учителя и т. д., отравленные антипролетарским классовым влиянием, и тогда дело пролетариата пойдет на смарку, или выйдут кадры людей с четким классовым самосознанием, железной непреклонностью, сноровкой и уменьем в борьбе,—тогда дело пролетариата будет победоносно расти.

«Будущее принадлежит молодежи»—в этом заложены перспективы классовой борьбы пролетариата и социалистического строительства. «Быть или не быть»—для наших классовых врагов в переводе на практический язык значит: завоевать молодежь или не завоевать. Врагу хочется «быть». Значит, он должен бороться за тех, кому принадлежит будущее,—за молодежь. И враг борется, и кое-где даже не без успеха. Соотношение сил, конечно, далеко не в пользу врага. Мы государственно организованы и располагаем могущественнейшими рычагами идеологического воздействия. Враг в значительной мере разоружен. Но средства и пути влияния на молодежь он все же имеет. Мы выросли, укрепились, но и враг сейчас не такой растрепанный и не такая пуганая ворона, каким он был в начале нэпа. Если тогда он еще только робко высовывал свой нос, принюхивался и т. п., то сейчас он далеко не таков. Он сумел «отстояться», у него есть опыт при-

способления в борьбе за существование, он стал продувнее, хитрее, ибо за 6 лет кое-чему научился. По требованию обстановки, он видоизменил свои «органы», где возможно—перекрасился в советский цвет (и нечего греха таить—местами переоделся в комсомольскую и партийную одежду), изменил свой «голос» и лезет во все щели. Он часто совершенно незаметен в обыденной обстановке. Вообще мелкобуржуазная стихия—это не такой враг, который в повседневной жизни, в круговороте дней представляет из себя всегда точную мишень для пальбы. Нет. Именно в повседневной жизни этого врага часто не ощупаешь руками, не разглядишь глазами, он бесшумно, тонко вползает в сознание и отравляет его. *Этот враг не режет, не бьет, а обволакивает.* Он стремится задушить отдельные прослойки трудящейся молодежи в своих липких об'ятиях.

Если важнейшей материальной базой для развития пролетарского классового самосознания является крупная промышленность, которая у нас неуклонно развивается, то мелкобуржуазная экономика является материальной базой живучести и воспроизводства мелкобуржуазной идеологии. Мелкобуржуазная экономика испаряет мелкособственнические, антипролетарские тенденции и настроения, взгляды, подход к жизни. Поваленное нами навзничь старое, придавленное пролетарской диктатурой, еще не свезено на свалку истории. Оно, по выражению Ленина, — «*гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого*».

У нас есть новое и старое в быту. Растущий человек находится в этом месиве старого и нового. Он становится предметом борьбы этих сил. В каждом из нас борется сила нового с силой старого. Старое прячется во все уголки, свертывается иногда в комочек совсем невинной привычки,

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА

чтобы, воспользовавшись благоприятным «случаем», превратиться в навык, диктующий даже общественное поведение.

Средства идеологического воздействия классовых врагов на трудящуюся молодежь чрезвычайно разнообразны. Они нападают на молодежь через религиозные и сектантские организации. В этой области они многим методам научились у нас же самих. Религиозные организации развертывают массовую работу среди трудящейся молодежи и особенно—среди девушек и детей. Рост сектантских организаций, все возрастающие случаи антирелигиозной неустойчивости среди комсомольцев показывают, что враг имеет успехи. Враг неустанно тычет молодежи в глаза нашу нужду, болезни и ошибки нашего строительства. Он агитирует только ими, скрывая достижения, для того, чтобы культивировать болезненные, пессимистические, а потом и прямо антисоветские настроения. Враг «во-всю» способствует расцвету бюрократизма в госорганах и на этой почве взращивает недовольство, ненависть к госаппарату, к режиму пролетарской диктатуры. Он осмеивает одну национальность перед другой, грязненьким анекдотом, насмешливой кличкой, травлей и т. п. вбивая клин в союз трудящихся различных национальностей. Особенно старается он развить антисемитские настроения. На этом участке идеологического фронта мы имеем факты, показывающие частичные успехи врага. Враг пребольно бьет нас и на кино-фронте—через мещанскую фильму, и на литературном—через разные «афинские ночи» и т. д. Обсуждение деятельности Совкино на диспутах, собраниях и в печати показало, сколько еще идеологически вредной фильмы обретается у нас на экране. Малашкин в «Луне с правой стороны» так разрисовал «афинские ночи», что некоторые возымели любопытство попробовать на деле такое развлечение. Другие литературные произведения так густо сдобрены матершиной и похабщиной, что хотят или

не хотят того авторы, а они продолжают культивировать остатки погани в нашем языке и даже делают новые вклады в этой области. Сейчас этого меньше стало, но все-таки нет-нет да и почувствуешь сквознячок. А стоит ли доказывать, какое развращающее влияние оказывают произведения, насыщенные такими перлами «народного» языка.

Враг культивирует индивидуализм, эгоизм, уход в себя, в свое узкое, личное. Он мобилизует водку, карты, пивную. Он ставит людям ловушки в тончайших человеческих переживаниях—любовь между полами, любовь к природе, ко всему красивому и т. п. Одним словом, нужно помнить, что старое хватает молодежь в самых разнообразнейших областях быта, культуры, политических интересов. И мы имеем вывихи и срывы, достаточно показательные для того, насколько «хитро» и опасно проклятое прошлое, как оно влезает в самые узкие щели.

Приведем два примера из современной литературы. Пант. Романов написал роман—«Новая скрижаль», в котором выводит коммуниста Сергея, бывшего члена исполкома, заведывавшего отделом народного образования в годы военного коммунизма. Сергей «ходил» по фронтам, по продразверстке, голодал хворал тифом и т. д. Он попал в Москву уже во врёмя нэпа, организовывал где-то рабочий клуб и в Рабисе познакомился с одной из «бывших»—Людмилой. Людмила не удовлетворена своей жизнью. В одной из бесед со своей знакомой на ее замечание, что «просто жизнь-то моя никому не нужна... нужна только моя рабочая сила»... Сергей ответил: «Нет, теперь будет нужна как раз не одна только рабочая сила. Нам нужно строиться, и поэтому нам нужны новые соки, новые, не сказанные еще слова, а это все идет только оттуда, что до сих пор выбрасывалось за борт, как ненужное. Такие вещи на поверхности не лежат, а держатся на большой глубине».

«И вот он,—заключает дальше Пант. Романов,—этот страшный в прошлом человек, гроза тонких рук, фраков, соболей и «слишком интеллигентных лиц», теперь сам остыл, «обошелся» и приник к ручке. Что это—навождение?.. к ручке, которая сиживала с господами за одним столом, и господа, может быть, ее целовали... (ручку и ее самое, чорт!). А... Вот тогда она ему попалась бы, когда он в своей шинели и в папахе летал по всему уезду... *Тогда бы его не поймать на „нежные чувства“* (подчеркнуто нами.— *А. Г.*).

Здесь нас интересует не столько вопрос и сам факт связи Сергея с женщиной из «бывших», сколько то, что по его мнению *„новые соки, новые, не сказанные еще слова“*, которые нужны для строительства (социалистического строительства), что *„это все идет только оттуда, что до сих пор выбрасывалось за борт, как ненужное“*.

Да ведь это чаяния всего старого, нэпмано-кулацкого, буржуазно-интеллигентского. Назад—к сокам старого! Верните старое! Строиться на нем, равняясь по нему. Никаких новых соков мы сами дать не можем, они «держатся на большой глубине» старого, старой культуры. Как незаметно для себя, как «тихо и плавно качаясь» могут умирать не физически, а политически люди! Как может засасывать старое. Сергей сам вышел из крестьян, он не просто прислуживался к соввласти в годы гражданской войны,—нет, он был честен. Но вот сегодня он, боровшийся винтовкой со старым раньше, сегодня «культурно» начинает спускаться. Мы не знаем, что будет дальше с Сергеем (роман, печатавшийся в «Новом Мире», еще не закончен), но и этот штрих характерен. Он характерен по своей тонкости, неощутимости и в то же время по своей реакционности, по своему предательскому содержанию. Это—гниение. И чрезвычайно интересно, с фланга каких запросов начал загнивать Сергей, чрезвычайно интересно и поучительно Сергей, завоевавший

врага, попадает в плен к завоеванному, в плен его культуры. На эту опасность резко указывал тов. Ленин. Это нужно учесть и тогда, и пожалуй особенно тогда, когда мы говорим о молодежи. Горше всего еще то, что мотивы, очень близкие к мотивам Сергея, начинают распевать пролетарские поэты, что они могут срываться на «эфтом же самом месте». Так, Михаил Голодный в стих. «Пирушка» рассыпался такими любезностями по отношению к «старику», что они вызвали у нас законную тревогу. Он пишет:

Шуми, шуми, веселый пир,
Пусть до утра не смолкнет говор.
Нас угощает старый мир,
Он, говорят, искусный повар!
Что ж, угощай, старик, пои!
Мы о вине твоем слыхали.
И блюда сладкие твои
Мы принимаем без печали.

Как бы не об'елся Михаил Голодный. Спору нет—старый мир был «искусным поваром». Навязываться на его угощения и не надо, он сам рад угостить. Спору нет—есть у мира старого «блюда сладкие» Но не опасно ли?—«Что ж, угощай, старик, пои!» Но не опасно ли, что «блюда сладкие» «мы принимаем без печали»? Разве не знает М. Голодный, что бывает сладкий яд? Разве можно так прилипать к чаше старого, хотя и сладкого? Разве у нас мир со старым, разве мы не боремся с ним? Разве оно не старается нас отравить своими «соками новыми, не сказанными еще словами», «сладкими блюдами»? Такие стихи смазывают наш классовый подход к старой культуре. Старое мы не все отбрасываем, как ненужное. Нет, то, что нам необходимо, то, что может быть использовано в нашем строительстве, мы берем. Мы, конечно, не выбрасываем и любовь и чувство красивого лишь только потому, что эти «вещи» были и есть *при капитализме. Но к тому же кра-*

сивому у нас свой подход, свои понятия о нем. Отрицать сплошь все старое неправильно. Но так же неправильно проповедывать сплошное приятие старой культуры. Это реакционно, это идет по линии перерождения, по линии предательства. У Голодного не «предательская» поэзия, он — один из лучших, тонких, даже «критических» поэтов, но и его качнуло, и у него «вырвалось».

Даже такой незаметный сразу, тонкий вывих показывает, какие подстерегают нас опасности, как нужно быть классово бдительным и осторожным. И к месту напомнить хорошие слова другого пролетарского поэта—Светлова:

Нынче не то, что у нас в степи,
Вольно нельзя жить.
Строится дом, и каждый кирпич
Хочет тебя убить".

Светлов зовет к бдительности, зоркости, осторожности. Мы стоим обеими ногами на старой культуре, мы говорим, что она нам нужна, но не во всем мы берем ее так, как она сложилась. Мы перерабатываем старую культуру, приспособляем и подчиняем нашим задачам борьбы. Мы подходим к ней «пристрастно», как классовые борцы за дело пролетариата, и подходим так потому, что сама-то эта старая культура «пристрастна» и палец ей в рот не клади. «Сладко» умирать или «горько» умирать—это все равно умирать. И поэтому нужно предупредить нашу молодежь, что многое из старого, кажущееся сладким, есть смертельный яд буржуазного классового общества.

Классовый враг не выступает на собраниях, не устраивает демонстраций на улице. Он действует так, чтобы его не схватили. Он «шепотком» работает в курилке и уборной на заводе, коротким диалогом между пассажирами в трамвае, на вечеринке где-нибудь, в семье и т. д. Классовый враг

использует тягу молодежи к культуре, к развлечениям. Так, напр., в с. Селище, Хороковской вол., Костромского уезда, «бывшие» люди организуют культработу среди молодежи. Разыгрывают пьески под руководством «режиссера», бывшего помещика Куприянова, и под аккомпанемент его «редчайшей» мамаши, бывшей губернаторши. Там нет пьяных, вежливое, «господское» обращение («Господа, пожалуйста!». «Господа, мы начинаем»), и молодежь ходит к губернаторше.

Это в деревне, а вот и в городе Ленинграде, за Нарвской заставой. Один рабочий парень затаскивает своего товарища кузнеца на «вечеруху». Он предлагает ему никого больше туда не тащить и отрекомендоваться старшим отметчиком *(а то—«кузнец»!). А там собралось «высшее» общество—Елена* Петровна, дочь одного из крупных комиссионеров, Коля—хозяйчик крупного магазина, и тому подобные. Ну, этот кузнец выдал себя—оказывается, там комсомольцев не принимают, а у него висел значок КИМ, и это испортило настроение Елене Петровне. Товарищ потом журил кузнеца, почему тот не догадался «на сегодня» припрятать значок КИМ.

Эти факты не надо преувеличивать, распространять их на всю крестьянскую или рабочую молодежь, но нельзя и закрывать глаза на них. Это отдельные факты, но все-таки показывающие, какими путями старое может еще засасывать в круг своих идей, настроений, времяпровождения часть нашей молодежи.

Враг особенно старается использовать чувства молодежи. При чем он здесь не лезет напролом, не хочет завоевать сразу, предположим, ячейку комсомола, группу беспартийной рабочей молодежи и т. д. *Он отщипывает по человеку.* Он «разламывает людей», человека, откалывает кусочек его чувств, прививает ему какой-нибудь свой навык, привычку и от малого идет к большому, к засасыванию человека со

всей его гаммой чувств, настроений, мыслей. Трудящаяся молодежь часто не видит за какой-нибудь мелочью классового врага, а он тут как тут. Нэп—зыбкая почва для многих. Враг—старое—маскируется, и именно в трудности распознать классового врага, ощутить его состоит трудность классового воспитания трудящейся молодежи.

II. „КАКОВА ЖЕ НАША МОЛОДЕЖЬ?“

Естественно, что в таких условиях обязанностью партии и комсомола является внимательное наблюдение за процессами, происходящими в массе современной трудящейся молодежи, и своевременное реагирование на них делом. За последний год, полтора шуму вокруг молодежи (особенно вокруг учащейся) было много. Больше всего, пожалуй, говорили и писали о молодежи в связи с произведением Малашкина — «Луна с правой стороны», Гумилевского — «Собачий переулок», в связи с кореньковщиной, хазовщиной и т. п. Десятки диспутов, собраний, бесчисленное количество речей, столько же статей дали, конечно, много хорошего, свежего, поучительного, но в то же время подняли огромнейший столб словесной пыли. На ряду с законной критикой Гумилевского и Малашкина, многие не в меру ретивые критики пролили на них незаслуженную, ничему не обучающую дозу истерической ругани. Стремились разрешить большую проблему, выяснить—«какова же наша молодежь?», а обсуждая, устремлялись постоянно в бытовизм. Эта однобокость была недостатком. Ряд довольно важных черт духовного облика современной трудящейся молодежи или совсем слабо затрагивался или вовсе упускался.

Человека проверяют не только по словам, но и по делам, и последнему верят больше. Массы—их настроения,

чувствования и т. п.—также необходимо проверить в действии. При чем здесь, как правило, нужно брать факты, характерные для значительного количества людей, для десятков тысяч, сотен тысяч, и на них строить выводы. Только тогда выводы будут правильны. С этой точки зрения отдельный факт, не подтверждающийся массовыми явлениями такого же порядка, как бы он поразителен ни был, есть только частичное явление. Нужно также учитывать, что трудящаяся молодежь это — не единое целое, а сумма слагаемых, неравных друг другу по условиям своего труда, быта и культурного уровня. Только учитывая специфичность настроений и процессов, свойственных каждой основной прослойке, можно себе представить «идейное лицо» трудящейся молодежи вообще.

Вопрос, «какова же наша молодежь?», не должен интересовать нас «вообще», с точки зрения общечеловеческой. Мы должны поставить вопрос с точки зрения классовой, с точки зрения тех задач, которые стоят перед советской властью и партией, с точки зрения интересов социалистического строительства. Отвечают ли запросы и поведение молодежи этим интересам? Вот что нам важно выяснить. Исходя из этого критерия, мы интересуемся частными вопросами о том, например, сколько курящих, не занимающихся физкультурой, больных венерическими болезнями и т. д.

И вот если под этим углом зрения подходить к трудящейся молодежи, то мы увидим в ней целый ряд интереснейших процессов—и положительных и отрицательных, имеющих крупнейшее значение для социалистического строительства.

Возьмем, прежде всего, явления или факты отрицательного порядка. У части трудящейся молодежи мы несомненно встречаемся с элементами отрицательной активности. Отрицательной *активностью* я называю те настроения и по-

ступки, которые идут в сторону от пролетарской классовой линии, которые встают в противоречие с интересами социалистического строительства и с нашей идеологией.

Было бы неправильно резко делить молодежь на 2 прослойки—с положительными устремлениями, с одной стороны, и отрицательными — с другой. В жизни нет таких двух резко ограниченных друг от друга прослоек. Вся сложность положения заключается в том, что в одном человеке зачастую причудливо сплетается положительная общественно-политическая активность с элементами отрицательных политических настроений. Совсем необязательно, чтобы зараженный антисемитизмом был плохим производственником, разгильдяем, политическим нытиком и наоборот. Среди части комсомольского актива выработался взгляд, что существует «отсталый» слой рабочей или крестьянской молодежи, который является чем-то собирательным всего отрицательного. Например, за последнее время установился шаблон, что «отсталый» слой рабочей молодежи—это пришедшие недавно в производство из деревни. Правильно то, что эта молодежь приносит с собой целый ряд неверных взглядов, но неправильно, когда абсолютно все, что «бог на душу положит», валят на этот слой. Отрицательные явления в той или иной дозе имеются во всех прослойках молодежи, в том числе и у коренной рабочей, и нужен более дифференцированный подход, делать который практически мы, к сожалению, научились еще недостаточно.

Из отрицательных настроений, свойственных отдельным прослойкам трудящейся молодежи и таящих в себе большой политический вред, нужно отметить:

1. Рост национализма, в особенности антисемитизма.

2. Проявление антирелигиозной неустойчивости (не только в среде беспартийной молодежи, но и комсомольцев).

3. Рост индивидуалистических, собственнических устремлений, усиление мещанства.

Эти три группы отрицательных явлений за последние 2 года дали почувствовать себя довольно заметно. Антисемитизм выражается и в разговорчиках о том, что «все евреи торговцы, нет евреев рабочих, что они заполнили госаппарат, получают хорошую землю от советской власти, а русские крестьяне ничего», и в травле отдельных евреев кличкой «жид», «жиденок», и в избиениях, а подчас и попытках убийств. Достаточно красноречивые факты сообщала наша печать. Это одно из крупнейших отрицательных явлений в среде нашей молодежи, представляющих определенную политическую угрозу.

По линии антирелигиозной неустойчивости мы все чаще и чаще встречаемся с фактами участия комсомольцев в религиозных обрядах, вступления молодежи, особенно девушек, в сектантские организации и т. д.

Индивидуалистические устремления и мещанство выразились также в ряде многочисленных фактов, перечислять которые не стоит, так как характер их известен.

Эти отрицательные явления свойственны всем прослойкам трудящейся молодежи. Но есть и такие явления, которые специфичны для отдельных прослоек.

Возьмем рабочую молодежь. Для части ее характерно непонимание текущего периода социалистического строительства. Чрезвычайно сложное переплетение задач реконструкции нашего хозяйства, в частности рационализации промышленности, *с теми условиями*, в которых осуществляются эти задачи, с большим трудом поддается пониманию части рабочей молодежи. Имевшиеся факты выступлений против рационализации, спецеедских настроений, воспря-

тия конкурсов на лучшего производственника, как утонченной эксплоатации, и т. д.,—все это иллюстрирует вышесказанное.

Кроме того, дискуссия, предшествовавшая XV партийному с'езду, обнаружила, что, кроме активных сторонников партии (подавляющее большинство) и активных сторонников оппозиции (незначительное меньшинство), в комсомоле имелись «буферящие» группы. Буферные настроения отражались не столько в голосованиях (ни за, ни против), сколько в записках. Записок недоумевающих, непонимающих политики партии встречалось немало. Это непонимание иногда практически выражалось в том, что отдельные крикуны на заводах, выступающие против тех или иных совершенно правильных мероприятий хозорганов, находили себе помощников не только среди беспартийной молодежи, но и среди отдельных комсомольцев.

На почве этого непонимания у части рабочей молодежи существует недоверие к местным советским, партийным, комсомольским и профессиональным органам. Отсюда же берут начало и настроения пессимизма, отчаяния, иногда прямо упадочничества, выливающегося в пьянку, хулиганство, недисциплинированность, наплевизм и т. п. Мы часто говорим: «вот-де, мол, сил избыток, а деть некуда, ну и пьют». Тут своя правда есть,—часть активности молодежи мы не охватываем и нашей работой не удовлетворяем. Но нужно помнить и другое,—что пьянство и хулиганство захватывают также тех, кто не просто не нашел поля для применения своих сил, а кто начал терять перспективу, морально-политическую устойчивость, кто заливает «провалы» в своем сознании водкой, забивает их дебоширством. В водке и дебоширстве он ищет «успокоения», «забвения», но там он часто окончательно теряет «мелькнувшие пути» и, по крайней мере на длинное сегодня, если не навсегда, идейно опускается, по-

гибает или кончает с собой,—ведь упадничество нередко является ступенькой к самоубийству.

У части крестьянской молодежи следует отметить *ревность к городу, к рабочим.* В массах крестьянской молодежи имеется огромный сдвиг, огромная тяга к культуре. Запросы далеко оторвались от возможностей, появляется неудовлетворенность, зачастую переходящая в ревность к рабочим, в «антигородское» настроение. Волнует то обстоятельство, что рабочие и служащие дальше ушли в культурном развитии, чем крестьяне. Указывается иногда, что «раньше учился поп, кулак, буржуй, а теперь—поп, кулак, рабочий». Рабочий класс рисуется, как эксплоататор, союзник не беднейших крестьян, а кулаков и попов. Надо заметить, что у довольно значительных масс крестьянской молодежи нет правильного понимания политики партии и советской власти в области просвещения. Ведь, один тот факт, что есть кулацкие и поповские «чада», которые, опираясь на свою материальную силу, обдувая кого и как угодно, проникают в наши учебные заведения, сбивают с толку не одного молодого крестьянина.

Нужно также отметить, что ревность эта базируется и на неправильном представлении о жизни рабочей молодежи города. Много есть преувеличений и идеализации. Например, молодежь села Козлова, Иркутской губ., Начугского района, в своем письме в «Журнал Крестьянской Молодежи» пишет: «*Каждый* рабочий-подросток имеет коньки и даже *велосипед*, а нашим и не снились». К сожалению, мы еще не достигли того, чтобы каждый имел велосипед, и этого так быстро не достигнешь.

Нечего и говорить, что всякие такие небылицы и преувеличения сознательно распространяются кулаками и попами в своих интересах. Кулак и поп культивируют ревность, взращивают ненависть к рабочим, к власти, имея одну цель—ра-

зорвать союз рабочих и крестьян, сорвать социалистическое строительство.

К сожалению, мы сами не уделяем еще этому вопросу того внимания, которого он заслуживает.

Каковы причины подобных отрицательных настроений у части рабоче-крестьянской молодежи? Есть и об'ективные и суб'ективные. Очень многое из этих настроений вызывается непониманием всей сложности политики текущего периода, невозможностью удовлетворить культурно-экономические запросы так, как этого хочется (нужда, безработица, плохие жилищные условия и т. п.). Конечно, одна из причин—работа наших классовых врагов (кулаков, нэпманов, попов) и их агентов, которые используют всякое противоречие и осложнение. На ряду с этим, нехорошие настроения плодит часто бюрократизм тех или иных органов, нечуткость к массе молодежи. Например, в одной профшколе ученики забастовали, потому что фабком упорно не считался с желанием учеников снять нежелательного инструктора. Волынки молодежи бывали из-за грубого обращения директора, мастера, администрации вообще. Нечуткое отношение администрации, профорганов, извращения политики в вопросах труда молодежи, медлительность в проведении колдоговорных требований — все это действует чрезвычайно отрицательно. А недостатка в различного рода бюрократических безобразиях нет. Ко всему этому следует добавить бюрократизм в комсомольском аппарате не только вверху, но и внизу, наличие почивших в самодовольстве и администрировании комсомольских чинуш, сводящих часто на-нет всю работу союза.

Характерные настроения имеются у учащейся и служащей молодежи. Мы можем с полным правом констатировать, что эта молодежь находится в непрерывном культурно-политическом росте. Среди учащейся и служащей молодежи

имеет место *огромная тяга в комсомол и партию*. Стремление войти в политическую организацию, получить в ней соответствующую работу, повести через нее общественную деятельность—это очень характерно для значительных масс учащейся и служащей молодежи. Это само по себе, безусловно, здоровое стремление в настоящее время сколько-нибудь существенного удовлетворения не получает. Комсомол принимает в свои ряды чрезвычайно ограниченное число по отношению ко всем желающим из учащейся и служащей молодежи. Не принимая многих в свои ряды, союз не сумел до сих пор организовать массовую работу среди беспартийной учащейся и служащей молодежи. Это приводит к возникновению отрицательных настроений и их росту. *Среди беспартийной учащейся и служащей молодежи растет недовольство на почве того, что союз ее не организует, обида, тяжелое моральное состояние.*

Из среды именно этих слоев идут предложения о реорганизации комсомола в «Союз советской молодежи». Главный смысл этого предложения заключается в том, чтобы, не пуская, конечно, в этот союз нэпманов и кулаков, всем остальным прослойкам предоставить право совершенно открытого, свободного вступления в ряды этой организации. Этим предложением хочет учащаяся и служащая молодежь распахнуть себе *двери на арену общественно-политической деятельности*. Не стоит и говорить о вредности идеи «Союза советской молодежи», но законным отрицанием этого совершенно неправильного предложения нельзя ни в коем случае упускать проблему переключения активности этих категорий молодежи в наше, социалистическое русло.

Это по линии комсомола. С другой стороны, в комсомоле сейчас скопилась огромная масса переростков из служащей и учащейся молодежи. Значительная масса этих перерост-

ков *стучится в двери партии*. Удовлетворить это стремление можно только в чрезвычайно ограниченном размере, а поэтому и тут растут нездоровые настроения по отношению к партии, недовольство, пессимизм, упадочничество.

Эти две проблемы как бы смыкаются в одну и представляют из себя задачу, чрезвычайно трудную для разрешения. Опасность таких настроений заключается в том, что они создают почву для работы антисоветских элементов в среде беспартийной учащейся и служащей молодежи.

Таковы, на наш взгляд, наиболее важные из отрицательных явлений в политических настроениях трудящейся молодежи. Настроения эти захватывают определенную ее часть и имеют крупнейшее значение при определении наших ближайших задач по коммунистическому воспитанию молодежи.

Ну, а что же у нас есть хорошего? Чем проявила себя за последние годы наша трудящаяся молодежь, как молодежь той страны, где диктатура пролетариата, где в труднейших условиях строится социализм, где широкие массы трудящейся молодежи должны быть могучей силой этого строительства?

Несмотря на то, что трудящаяся молодежь делится на ряд категорий—рабочую, крестьянскую, служащую, учащуюся—и каждая из этих категорий, в свою очередь, делится на свои прослойки с различными особенностями, мы можем сделать, на основании многих фактов, общий, до известной степени, для всех прослоек вывод об общественно-политической активности. За прошедшие два года мы имели ряд крупнейших показателей *развивающейся положительной* общественно-политической активности в массах трудящейся молодежи.

Перечислим факты:

1) боевой, энтузиастский отклик на стачку горняков в Англии;

2) отклик на китайские события—принятие шефства, сбор средств, прошедшие в крупнейших промышленных организациях с большим под'емом и успехом;

3) боевое отношение к военной опасности—огромнейшая деловая, а не только резолютивно-словесная активность: кружки, отряды, походы и т. п.;

4) Международный юношеский день;

5) развертывание активности в производственной жизни *в городе (конкурсы, группы рационализаторов, изобретения* и т. п.) и в улучшении способов ведения сельского хозяйства в деревне;

6) огромнейшая тяга к знаниям—напор в школы, рабфаки, вузы, развитие внешкольных форм;

7) *еще* не массовое *улучшение* быта, но массовое движение *за* улучшение быта;

8) дискуссия перед XV партс'ездом—огромнейшая заинтересованность и активность;

9) субботник и кампания 10-летия Октября, прошедшие с большим под'емом.

Все эти факты—не местного, а всесоюзного характера. Конечно, не везде все одинаково хорошо прошло и проходит. Были и недостатки. Например, невыход на субботник, инертное отношение к военной опасности некоторых групп комсомольцев и молодежи и т. п. Но они ни в какое сравнение с положительными сторонами вышеуказанных явлений итти не могут, они мизерны по сравнению с ними и носят частный характер.

Интересно то, что те или иные события, по которым можно было проверить настроения молодежи, встречали несколько различный отклик в среде городской и в среде деревенской молодежи. Например, отклик на стачку горняков, на китайские события был куда сильнее, действеннее в городе, чем в деревне. Но, несмотря на известную, так

сказать, количественную разницу отражения тех или иных явлений (международного, внутреннего порядка), положительная общественно-политическая активность била мощной струей со стороны подавляющего большинства основных слоев молодежи—рабочей, крестьянской, служащей, учащейся. Ибо, ведь, всякие чисто культурные, бытовые, производственные начинания, опыты, дела, *не будучи по своему* характеру «чисто политическими», *когда они превращаются в массовое движение* (или настроение, устремление) (за улучшение производства, за поднятие культуры, за улучшение быта), приобретают огромное политическое значение и входят неотъемлемой частью в политическую активность молодежи. А мы можем с полным правом сказать, что такое *массовое устремление* к улучшению производства, своего быта и т. п. *характерно для основной массы* современной трудящейся молодежи. Здесь много еще стихийности, просто протеста против старого (грязи, некультурности и т. п.) и мало иногда сознания, а вернее, знания, *что и как делать*. Но такой недостаток не стирает этой активности, идущей в положительном направлении, и идущей очень стремительно.

Что мы можем в основном ответить на вопрос: «какова же наша молодежь?» В настроениях части молодежи есть вывихи, есть недостатки, на которые мы указывали выше, но они характерны именно *для части* ее. Положительная же общественно-политическая активность, общие для всей трудящейся молодежи настроения и дела говорят за то, что идейный облик ее не больной, а здоровый. На нем есть пятна; отдельные эти пятна обнаруживают стремление расширяться. Мы своевременно их не лечим и не принимаем профилактических мер. Но не в них суть. Не они в конечном счете определяют лицо нашей молодежи. Нужно суметь правильно распределить свет и тени. Это не учли некоторые писатели и впали в ошибку.

III. НЕ ПАДАТЬ И НЕ ЗАГНИВАТЬ

Для об'яснения многих недоумений и непониманий, имеющихся в среде трудящейся молодежи, нелишне будет напомнить одно место из резолюции XIII партс'езда о молодежи:

«Экономические процессы и борьба различных хозяйственных форм, в рамках которой, главным образом, происходит теперь классовая борьба, как борьба между капитализмом и коммунизмом, сами имеют противоречивый характер; *их об'ективный смысл часто скрыт под формой их проявления (безработица при росте промышленности, капиталистические формы хозрасчета, товарные пути кооперации, денежная система, как орудие укрепления социализированной промышленности, и т. д.).* На ряду с этим противоречивым характером развития социалистической экономики имеется и реальный рост капиталистических форм как в городе, так и в деревне. Все это не только *затрудняет понимание текущей действительности,* но и сопровождается ростом активно враждебных нам социальных сил».

Так сказал XIII партийный с'езд в резолюции «О работе среди молодежи».

Суть этих слов заключается в том, что внешнее выражение многих явлений современности, «форма их проявле-

ния» совсем не тождественна их сущности, их назначению или целевой установке. Обстановка нашего строительства богата противоречиями. Это не противоречия буржуазного государства, это не специфические противоречия военно-коммунистического периода, это также и не противоречия якобы гибнущей, сползающей диктатуры пролетариата. Это—противоречия нашего неуклонного роста, победоносного шествия страны к социализму на базе новой экономической политики. Но хотя это и противоречия роста, они таят в себе самые различные опасности для подрастающего поколения трудящихся. Специфические формы классовой борьбы пролетариата в современных условиях СССР, механика этой борьбы настолько сложны, а конкретные их выражения так часто бывают изменчивы, что разобраться во всем этом переплете для значительной массы трудящейся молодежи представляет большие трудности.

Многие мероприятия пролетарского государства, целесообразные и необходимые с точки зрения социалистического строительства, сопровождаются временно такими явлениями, которые стушевывают для части трудящейся молодежи именно их классовую целесообразность и представляются ей, как мероприятия не социалистического, не пролетарского характера. Многим известно, что социалистическая рационализация госпромышленности не приводит к сокращению числа занятых в промышленности рабочих. Наоборот, число рабочих в госпромышленности в целом неуклонно растет. Многие понимают, что социалистическая рационализация — совершенно необходимая политика в интересах всех трудящихся и прежде всего—пролетариата. Но она все-таки сопровождается иногда сокращениями из производства, хотя и носящими местный характер. И поэтому частью рабочих и рабочей молодежи социалистическая рационализация правильно не понимается. Ее об'ектив-

ный классовый смысл скрывается за этими отдельными фактами, носящими частный характер и совершенно не выражающими ее существа. То же самое происходит и с рационализацией госаппарата. Рационализация госаппарата—абсолютно необходимая вещь, но она выталкивает часть служащих. Это также стушевывает перед известной частью трудящихся об'ективно-целесообразный, классовый смысл рационализации госаппарата.

Таким образом, если брать наше социалистическое строительство в большой исторической перспективе, то мы идем к уменьшению, к ликвидации всякого рода противоречий. Но на сегодня (а это сегодня продлится не два и не пять лет, а гораздо больше) противоречия до известной степени неизбежны, и эту неизбежную полосу мы миновать не можем.

В этих условиях *главная опасность* для трудящейся молодежи и, что всего важнее, для пролетарской молодежи—*утеря социалистической перспективы*. Не увидеть опасностей, не понять их, потерять правильную ориентировку в сложной обстановке, оторваться от пролетариата, как класса, отойти от его позиции или с шумом, треском, или тихо, никого не тревожа,—вот что грозно. Утерять социалистическую перспективу—это значит оторваться от класса, от диктатуры пролетариата, от ее задач и сегодняшней борьбы. XIV партийный с'езд резко подчеркнул эту опасность. Эта опасность как никогда жива и сегодня.

Конечно, социалистическую перспективу теряют не сразу—имел человек перспективу и вдруг потерял. Начинается обычно с малого—с непонимания одного какого-либо явления, это приводит часто к непониманию другого, целой группы явлений и кончается полным непониманием разницы между нашими путями развития и путями развития

капиталистического. Количество и здесь переходит в качество.

Конкретные пути этой опасности для разных прослоек трудящейся молодежи указать нельзя, ибо, прежде всего, они не одинаковы. Условия жизни молодого рабочего и крестьянина, молодого служащего и учащегося различны. Каждый из них встречается с разными трудностями, накапливает значительно отличный от других жизненный опыт. Если часть рабочей молодежи спотыкается на непонимании рационализации и здесь соскальзывает с пролетарской линии, противопоставляет свое личное общеклассовому, то у крестьянской молодежи это происходит иначе. Крестьянин не пролетарий, не это может его подшибить. Спотыкается он на другом. Важнейшим условием под'ема крестьянского хозяйства, его движения к социализму является союз пролетариата с крестьянством. Наиболее существенная опасность сбиться на буржуазный путь развития для крестьянства состоит в отрыве от рабочего класса, в разрыве союза с ним. Уйти от союза с пролетариатом—это и значит для бедняка и середняка-крестьянина «потерять социалистическую перспективу».

Мы знаем уже, что у части трудящегося крестьянства и крестьянской молодежи имеет место ревность к городу, к рабочим, ревность, зачастую носящая чрезвычайно болезненный характер. В одной этой ревности уже таится опасность противопоставления крестьянства рабочим и, следовательно, утери социалистической перспективы. Но утеря социалистической перспективы для крестьянства может итти и по другой линии, по линии непонимания задач коллективизации, забвения этих задач и, в противовес им, упорной индивидуалистической, чисто собственнической установки.

Для учащихся та же опасность таится в безграничном уходе в науку и забвении для нее всей общественной жизни

и работы, в учебе для личной сытой, благополучной жизни по окончании вуза. Специфические черты можно найти и у служащей молодежи.

Утеря социалистической перспективы—это торжество личного, собственнического, в противовес классово-пролетарскому, социалистическому. Именно борьба этих двух сил и составляет основное содержание противоречий в идейном росте современной трудящейся молодежи. Побеждает личное, собственническое—это значит побеждает старое, тянущее назад. Побеждает классовое, социалистическое—это значит побеждает новое, движущее вперед.

Внешние проявления утери социалистической перспективы, особенно у городской молодежи, также не однообразны. Мы думаем, что притупление классового самосознания или его выхолащивание имеет две формы проявления. С одной стороны — *упадочничество.* «Мы не верим ни в какое социалистическое строительство, мы не верим никаким крикунам, говорящим о строительстве социализма, мы пришли к такому выводу, что все это ложь и обман, мы разочаровались»,—вот типичное упадочничество. Упадочничество характерно было и для оппозиции. Разочароваться, махнуть на все рукой, стать анархиствующим элементом, политически распуститься,—вот что значит «упасть». Упадочники—это часто беспросветные пьяницы, дебоширы («все равно выхода нет»). Упадочники—часто самоубийцы. Упадочник—это человек, *разбивший себе голову* об острые углы противоречий нашего сегодня. Упадочничество—это утеря социалистической перспективы, сопровождающаяся шумом и треском, заявлениями и полит-истериками, револьверными выстрелами и т. п.

С другой стороны, утеря перспективы выражается в *обывательском загнивании.* Человек будни приемлет, ни на кого

не бросается, исправно работает в своем предприятии или учреждении, иногда совсем не пьет, иногда немножко выпивает, не развратничает, не дебоширит, ходит даже на собрания, в общем *формально удовлетворяет „всем" требованиям*. Но он не горит общественным делом, он наполнен холодом, безучастностью ко «всяким классовым борьбам, мировым революциям» и т. п. отвлеченным «вещам». *Он служащий революции, а не ее творец.* Почему он исправен, почему он ходит на собрания? Да просто потому, что *служить* надо. Он боится, что его со «службы» выкинут. Все его помыслы в другом. Он тонет в житьишке-бытьишке. Он просто примостился к жизни. Жить он хочет, просто жить. С классовой точки зрения он—гниль, хотя он сегодня «полезен» тем, что исправно служит. Снаружи он наш, а внутри—пуст, гнилой. Загнить в обывательщине—это значит сладко заснуть, убаюкать себя, перестать себя чувствовать, как члена класса. Обыватель не разбивается с треском и грохотом об острые углы противоречий. О, нет! Этот без шума и часто без запаха гниет, гниет, сам порой не сознавая, заражает других невидимо, незаметно для окружающих. Обыватель сегодня еще «полезен», но обопритесь на него в момент крупнейших потрясений—он рассыплется, из опоры превратится в труху. Конкретные причины упадочничества могут быть самые различные. Нужда, несправедливости, бюрократизм—все это может служить истоком упадочных настроений. Серьезные затруднения в личной жизни, тяжелые явления в окружающей среде при культурной отсталости, политической неграмотности человека приводят его к «надрыву». Обывательщина же—это есть испарения мелкобурж. окружения, они растут отсюда. Всему этому способствует и атмосфера прислужничества, пресмыкательства, подхалимства, которой пропитаны многие совучреждения.

Все другие, самые разнообразные отрицательные настроения, мысли, взгляды, свойственные различным группам трудящейся молодежи (будь то религиозного, антисемитского и др. порядка), не суть нечто постороннее описанным выше явлениям. Они также вливаются в это общее им всем русло—утери социалистической перспективы.

Различные слои трудящейся молодежи неодинаково подвержены отрицательным влияниям. Этой опасности рабочая молодежь, особенно коренная ее часть, подвержена в меньшей степени, чем крестьянская, служащая, учащаяся. В последних трех слоях почвы больше для этих явлений. Но нечего преисполняться казенного благодушия и по отношению к рабочей молодежи. Хотя почвы и меньше, но она все же есть. Индивидуалистические черты, собственнический эгоизм просвечивают и у того слоя рабочей молодежи, который недавно пришел в производство из деревни. Отдельные представители ее и даже целые группы частенько показывают себя с этой стороны. Это общеизвестно и об этом много говорить не стоит. Интересно другое явление, которое заметно дает себя чувствовать за последнее время. Касается оно сравнительно хорошо квалифицированной и материально обеспеченной рабочей молодежи. Среди нее несомненно имеется тонкая прослойка, особенно подверженная обывательщине, загнивающая.

На эту тему пишет в № от 8/I—1928 г. ленинградская «Смена»: «Упадочническими настроениями частично заражена и квалифицированная часть молодежи. Это утверждали некоторые товарищи, выступавшие на диспуте. Они говорили о том, что эта группа молодежи в некоторой своей части консервативна. Стоя в стороне от работы коллектива, она ехидничает, посмеивается над всей творческой работой коллектива, будто говоря:

— А ну-ка, посмотрим, что у вас выйдет!

Материально эта группа обеспечена. Экономически от коллектива не зависит. Она стремится к так называемой личной жизни и создает себе ореол вокруг галстука. Вместо комсомольского собрания парни этого сорта идут со своими «барышнями» в театр, а затем дело кончается либо алиментами, либо свадьбой. В том и другом случае они становятся тупыми стопроцентными мещанами». И это не единичный факт.

Таким образом, у части квалифицированной рабочей молодежи мы видим явления аполитичности, инертного отношения к общественной жизни. Зарабатывающая не плохо, она целиком ударяется в свои личные интересы: ей бы только устроить семейную жизнь получше, весело провести время и т. д., а до остального ей дела нет. Разумеется, ни в коем случае эти факты нельзя распространять на всю квалифицированную молодежь, но нельзя и равнодушно пройти мимо них, не придать им должного значения. Опасность упадочничества и обывательского загнивания отдельных групп трудящейся молодежи неизбежна. Противоречивые условия нашего развития, частно-капиталистические элементы несут эти опасности. Но надо стремиться к тому, чтобы на практике свести их к крайнему минимуму. Это во многом зависит от постановки работы комсомола, партии и ряда других общественных организаций.

IV. ЗАДАЧИ КЛАССОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Таким образом, в самых общих и главных чертах мы постарались выяснить три вопроса: 1) какими путями борется классовый враг за молодежь; 2) каково идейное лицо трудящейся молодежи, и 3) каковы главные опасности, грозящие молодежи. Отмеченный нами выше рост антисемитизма, активности религиозных организаций, рост мещанского индивидуализма, а также ряд других отрицательных явлений в части трудящейся молодежи знаменуют собой возрастание трудностей и противоречий в идеологической борьбе за молодежь.

Но кроме всего этого, мы имели честь «быть знакомыми» с троцкистской оппозицией. Ее напор на молодежь и комсомол был не маленький. Правда, попытки оппозиции взять на буксир молодежь кончились полным крахом. Но этот плачевный для нее итог был достигнут активнейшим участием союза в борьбе партии против троцкистской оппозиции, был достигнут активнейшей борьбой союза с подголосками оппозиции в своих собственных рядах. Борьба с оппозицией длилась два года. Она была ожесточенна и потребовала много сил и внимания. Она, несомненно, временно отвлекла союз от ряда важнейших моментов его работы. Оппозиция значительно усложнила и затруднила дело классового воспитания трудящейся молодежи. Можно без

преувеличения сказать, что именно она помогла росту ряда отрицательных явлений в среде молодежи, что именно она об'ективно помогла наступлению поповщины и сектантства, а также мещанского индивидуализма. Оппозиция своей деятельностью развязывала личный, цеховой интерес, она поощряла мелкобуржуазную распущенность. Криками о термидоре и т. п. «ужасах» она создавала почву для упадочничества и пессимизма и усиливала опасность утери социалистической перспективы.

Если учесть атаки оппозиции, усиление активности поповщины и сектантства, рост антисемитизма, рост мещанского индивидуализма, все, что имело место за последние два года, то все эти явления в целом означают усиление наступления враждебной пролетариату идеологии на трудящуюся молодежь. Это надо признать, как факт.

Это, а также и тот факт, что переживаемый нами ныне этап социалистического строительства сложен и труден для понимания трудящейся молодежи, ставят резко задачу усиления пролетарского классового воспитания трудящейся молодежи. Требуется поднять дело классового воспитания на высшую ступень. Требуется еще более форсированное наступление комсомола на враждебную идеологию по всем направлениям. Это не агитационный лозунг, возвещенный гнусавым и мертвым языком циркуляра, об этом громко кричит сама жизнь, обстановка, задачи социалистического строительства.

Нужно внимательно следить за всеми ходами классового врага, за всеми лазейками враждебного нам старого, нужно ловить на мушку все отрицательные явления в среде трудящейся молодежи и бить по главным опасностям. Беспощадно борясь со всякими «извращениями» в сознании и чувствах отдельных групп трудящейся молодежи, *нужно поднять работу комсомола по воспитанию молодежи в*

классовом духе на такую высоту, когда бы она из партизанской борьбы с отдельными проявлениями враждебной идеологии превратилась бы в упорную и длительную войну, в тяжелый молот, крушащий столпы старого мировоззрения и кующий основы нового. Именно так сейчас стоит проблема. Классовое воспитание молодежи — это борьба за мировоззрение в широком смысле слова (политика, культура, быт), это ковка таких навыков и привычек, которые бы во всем соответствовали интересам классовой борьбы пролетариата, интересам социалистического строительства. Это должно стать конкретной целью нашей повседневной работы, основой практической деятельности каждой ячейки в области политпросвещения, производственной и общественной культурой и бытовой работы.

В очень большой степени именно непониманием и недоучетом этого об'ясняется совершенно слабая работа союза и полнейшая бездеятельность некоторых организаций по антирелигиозному просвещению членов ВЛКСМ и беспартийной молодежи. Недоучетом этого и неуменьем об'ясняется разбросанность нашей работы на идеологическом фронте. Мы часто пишем в резолюциях: «политучеба должна войти неот'емлемой частью во всю работу», «борьба с антисемитизмом должна войти в систему воспитательной работы», «антирелигиозная работа должна пропитать...» и т. д., и т. д. Что это значит? Это значит, что все это друг с другом не связано, что у нас нет цельной борьбы за мировоззрение, а есть стычки с враждебной идеологией на отдельных участках, при чем наши силы на этих участках не связаны между собою, не об'единены в один фронт наступления против классового врага. Дело классового воспитания требует системы, которая превратила бы его в орудие, бьющее не куда-нибудь и как попало, а в одну центральную точку,

Именно под таким углом зрения нужно брать под обстрел такие явления, как рост антисемитизма и религиозности. Это не кампанейские задачи, и тот, кто подходит к борьбе с этими явлениями так, тот принижает задачи классового воспитания. А ведь такой подход часто бывает. Заговорили о росте антисемитизма, ну и решают ударить—провести кампанию против антисемитизма. Проведут, а потом опять заснут. Между тем, человек, зараженный антисемитизмом, не может быть без гнильцы и в других вопросах. Антисемит—он уже не коммунист, как бы хорош он ни был на работе или где бы то ни было. Антисемитизм свидетельствует о великодержавном подходе к другим национальностям и несознательном отношении к общественным явлениям. Он или сам возникает из неправильного мировоззрения или, зародившись, искривляет его. Поэтому тут кампаниями отделаться нельзя. Бить по антисемитизму, религиозности, мещанскому индивидуализму надо, борясь за цельное коммунистическое мировоззрение, за совершенно другой уклад сознания и чувств. Есть такие болезни, которые внешне поражают только определенную область человеческого организма, но лечить приходится весь организм.

Какова же центральная задача классового воспитания в настоящий момент? Из всего сказанного выше она вытекает с полной ясностью. Это—воспитание в сознании трудящейся молодежи социалистической перспективы и готовности и уменья бороться за эту перспективу, несмотря ни на какие трудности. Это такое воспитание трудящейся молодежи, которое бы достигало подчинения личного интереса задачам социалистического строительства. Понять пути нашего продвижения к социализму, понять свои обязанности и претворить эти обязанности в практическое дело—вот задача каждого комсомольца. С этой точки зрения наилучшими проверками сознательности трудящейся молодежи

являются: рационализация промышленности—для рабочей молодежи, коллективизация сельского хозяйства и борьба с кулаком—для бедняцко-середняцкой крестьянской молодежи, рационализация госаппарата—для служащей молодежи. Это деление, конечно, в значительной мере условно, но оно опирается на наиболее близкое для каждой из этих прослоек поле приложения своих сил и своей дальнейшей проверки, что, разумеется, вовсе не исключает и других задач, общих всем, как, напр., борьба с бюрократизмом и т. п.

Классовое воспитание трудящейся молодежи немыслимо без жесточайшей борьбы с классовыми врагами пролетариата, с враждебным нам наследием старого мира. Классовое воспитание молодежи—это воспитание непримиримой *ненависти* к врагам пролетариата и трудящегося крестьянства, непреклонной воли, железной стойкости в борьбе *за социалистический идеал.*

При капиталистическом режиме большевики воспитывали в рабочем классе и в беднейшем крестьянстве пламенную ненависть к этому режиму, стремление разрушить его, беззаветную самоотверженность. Передовики-рабочие горели идеалом борьбы, конечной целью ее, своими подвигами заражали других. Они не признавали никаких личных интересов, которые бы мешали этой борьбе за свержение царского режима, за торжество рабочего класса. Они жертвовали всем, вплоть до своей жизни. В годы гражданской войны молодое поколение того времени, пропитанное такой же беспощадной ненавистью к старому и решительностью в борьбе, воспитало в себе много прекраснейших черт большевика и научилось быть революционерами, разрушая и кроша старый мир, закладывая первые камни нового. На ряду с навыками разрушения у нее уже возникали навыки созидания, правда, специфичные для той обстановки. Военные бойцы, политические организаторы, пламенные агита-

торы, продотрядники—люди железа, с окаменевшими чувствами, они беззаветно и целиком отдавали себя делу революции и дрались на любом участке борьбы, будь то белогвардейский фронт, борьба с холодом, голодом, вошью.

Университет борьбы, который проходили революционеры подполья, был один, университет гражданской войны был уже другой, и университет нэпа—третий; совершенно различные школы. Но особенно разнится от других школа нэпа. Массы учатся на опыте. Опыт нэпа специфический. Не под пушечный грохот и треск пулеметов, а под совершенно другую музыку воспитывается сегодня трудящаяся молодежь СССР. Пролетариат продолжает давно начатый путь к своей цели—к социализму; но позавчера большевики (в подполье) шли одним путем; вчера (в гражданскую войну) они рассыпались стрелковою цепью и завоевывали социализм пулями и штыками; сегодня при нэпе мы завоевываем его, наступая сомкнутым строем фабрик и заводов, тракторов, кооперативов, колхозов и совхозов, школ и рабфаков. Сегодня мы, наступая на классовых врагов и на остатки враждебного нам старого, бьем его индустриализацией, рационализацией, кооперированием, взрываем культурной революцией.

Наружно современная эпоха несколько сонна, хотя по существу она наполнена не меньшим героизмом и драматизмом, чем эпоха подполья и гражданской войны. Кипит та же борьба, только формы иные,—вот что надо понять трудящейся молодежи. Своеобразие обстановки в том, что молодежь классово воспитывается и в полосу нэпа, но на борьбе с классовым врагом, уже придавленным, а не командующим, действующим не в открытую и наступающим не белогвардейскими армиями, а тихой идеологической сапой. И с этим врагом пролетариат также вынужден бороться

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР

новым оружием. Вот в обстановке такой-то борьбы и должна молодежь классово закаляться.

«Революция подвергается самым серьезным испытаниям на деле, в борьбе, в огне. Если ты унижен, эксплоатируем и думаешь о том, чтобы скинуть власть эксплоататоров, если ты решил довести дело свержения до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск эксплоататоров всего мира; и если ты готов этому натиску дать отпор и пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер; в противном случае тебя раздавят. Вот как поставлен вопрос историей всех революций»—так писал Ленин (т. XVI, стр. 69—70).

Октябрьская революция движется вперед. Сегодня она на этапе нэпа. Эксплоататоров в СССР у власти уже давно нет, они скинуты. Но революция и сегодня, на нэповском своем этапе, подвергается серьезным испытаниям. Партия и государство, трудящиеся массы страны, осуществляя социалистическое строительство, встречаются с немалыми трудностями и опасностями. Опасности грозят и изнутри и извне. Трудящиеся решили довести дело строительства социализма до конца, вынести все испытания. Трудящаяся молодежь должна воспитать из себя подлинных пролетарских революционеров—таких людей, которые готовы дать отпор натиску эксплоататоров всего мира и пойти на любые жертвы в интересах социалистического строительства и мировой революции.

Сложная механика социалистического строительства и нашей борьбы скрывает за собой перед частью трудящейся молодежи классового врага, враждебное нам наследие старого. Трудящаяся молодежь видит, конечно, нэпмана и кулака физически, но часть ее не видит всех тонких идеологических происков старого, не ощущает часто прикосновения щупальцев враждебной идеологии. Такая притуплен-

ность «чувств» опасна. Часть трудящейся молодежи за изгибами нашего пути сегодня не видит широкой дороги к социализму, ей кажется, что мы все время идем только этим изгибом.

Классового врага нужно вскрывать на каждом шагу, разоблачать его происки, разрушать его лазейки, срывать с него маску. Надо видеть не только тот изгиб пути, по которому мы идем сегодня, но весь путь, чувствовать наше завтра со всеми его уже вырисовывающимися успехами, а также и новыми трудностями. Указывать молодежи на эту дорогу—задача всей воспитательной работы комсомола, не всеми еще хорошо усвоенная. А об этом говорил в свое время тов. Бухарин и подчеркивал это, как исходный пункт всей работы комсомола по воспитанию в молодежи нужных для дела социалистического строительства норм и правил поведения, навыков и привычек:

«...Мы слишком мало говорим относительно социализма в его развернутом виде. Для более сухомыслящих, более взрослых людей это не так необходимо: во-первых, они знают, что такое социализм, а во-вторых, для них нет потребности впускать себе добавочный шприц одухотворяющего момента, который бы их настраивал на социалистический лад. Но молодежи, которая более эмоциональна, нужно дать более отчетливое выражение развернутого социализма, показать патетическую сторону борьбы за социализм, развернуть картину борьбы за коммунистический идеал во всей широте: с точки зрения искусства, с точки зрения культуры, с точки зрения всего комплекса человеческих эмоций. Тут должны быть и рассудочные схемы, и художественные изображения. Я повторяю, что более старые товарищи будут ухмыляться по поводу этого,

но они прошли все это, всю эту кашу с'ели, а теперь забывают, что это вошло уже в их плоть и кровь. Для молодежи эту сторону дела нужно развивать и культивировать точно так же, как нужно культивировать другую сторону дела, которая идет тоже по линии отношений между людьми.

Нужно воспитывать совершенно инстинктивное отношение страстной *ненависти к нашим классовым противникам*. С одной стороны, ненависть по отношению к врагам, а с другой стороны—обрисовка социалистического идеала,—это должно быть исходным пунктом в нашей работе, которая *определяет собой правила поведения комсомольцев*".

Чем крепче в сознании борющегося класса идеал его борьбы, тем успешнее сопротивление его всем трудностям. Крепость социалистического идеала подымает моральные силы. Этот идеал и ненависть к классовым врагам, презрение к мелкобуржуазной дряблости и неустойчивости должны еще крепче спаять дисциплиной борьбы молодое поколение, сделать серьезным отношение комсомольцев к уставу своего союза, к выполнению своих обязанностей.

Нужно также совершенно ясно понять, что задача классового воспитания молодежи и выработки в ней пролетарского мировоззрения, новых житейских и трудовых навыков не может быть разрешена сегодня без разрешения проблем культурно-бытового порядка, без культурного воспитания, без переделки быта. С другой стороны, под'ем культурности молодежи и перестройка ее быта не должны итти иначе, как под углом конкретных задач классового воспитания. Нужна совершенно четкая классовая установка в культурной и бытовой работе каждой ячейки. Нужно, чтобы наша культура и бытовая работа «вышибала» инди-

видуалистическое, собственническое, обывательское. Нам нужно борцов отучить от неряшества, наплевизма, некультурности, приучить по-хозяйски относиться к государственному имуществу, рационально расходовать собственный заработок.

Но нам не нужно чистеньких, умытых, блестящих с сапог до головы, пусть даже не пьющих и не курящих, мещан. Нам не нужен также советский Плюшкин или какой-либо высокий моралист, но классово-гнилой до последней клетки. На ряду с разгильдяйством мы должны бороться против начищенной, нафабренной, надушенной гнили. Культура мещанства нам чужда, враждебна.

Таковы задачи классового воспитания.

Воспитывать классовую ненависть к врагам социализма, воспитывать социалистическую перспективу и культивировать социалистический идеал в сознании трудящейся молодежи, бороться против всех способов влияния старого на молодежь, глушить пессимистические нотки у части трудящейся молодежи, выжигать каленым железом мещанский индивидуализм и обывательщину, подчиняя личный интерес классовому, ковать новых людей,—таково его краткое содержание.

Эти задачи могут быть успешно разрешены только при условии приспособления всего содержания, форм и методов комсомольской работы к возросшим требованиям момента, к растущей культурно-политической активности комсомольцев и масс беспартийной трудящейся молодежи. Под углом разрешения именно этих задач следует остановиться и на некоторых вопросах политпросвещения в комсомоле и его культурно-бытовой работы.

Значение политического просвещения масс трудящейся молодежи, энергичного и углубленного изучения основ ленинизма сейчас неизмеримо велико. Политучеба по своему

назначению должна являться сильнейшим орудием классового воспитания. Между тем, дела с политучебой в комсомоле чрезвычайно слабы, если не сказать плохи. Политпросвещение не идет в ногу с жизнью и находится не на высоте тех требований, которые пред'являет к нему вся обстановка. Оно, за незначительными исключениями, не удовлетворяет комсомольцев: из политшкол бегут, текучесть их огромна. Неудовлетворительное состояние политучебы стало резко сказываться уже к VII с'езду. Принимались разнообразные меры, думали и гадали, лечили так и сяк, но, несмотря на это, «больной» упорно не выздоравливает.

В то же время нужно отметить глубокий и грозный раствор ножниц в воспитательной работе комсомола. Всем бросается в глаза то явление, что если дела культурные и бытовые за последние два года по своему качеству и размаху в общем и целом представляют из себя кривую, растущую вверх, то дело политобразования—это кривая, спускающаяся вниз или, в лучшем случае, остающаяся на старом уровне. Опасность дальнейшего раствора этих ножниц вполне очевидна.

Как бороться с этим явлением? Нужно, прежде всего, прекратить травлю политучебы, т.-е. такую критику ее, которая, кроме презрения и насмешек по отношению к ней, ничего у комсомольцев не вызывает. Сейчас нужно поднимать авторитет политпросвещения, а не развенчивать его.

Нет сомнения, что сейчас у части комсомольцев на почве увлечения всякими культурными делами, а также вследствие травли политучебы имеется недооценка политпросвещения. Эта недооценка имеет тенденцию роста. Нужно об'явить решительную борьбу этому явлению, нужно с корнем вырвать подобные настроения. Недооценке политпросвещения в немалой степени способствовала и неправильная постановка вопроса о добровольности со стороны многих това-

рищей. Эти товарищи, ища спасения от недостатков, бичевали систему политучебы и кричали «навзрыд»: «добровольность, добровольность и еще раз добровольность». Добровольность, по их мнению,—панацея от всех зол. А многие комсомольцы поняли так, что политическое образование—это вообще дело не обязательное в комсомоле, а добровольное—хочешь, учись, а не хочешь—не учись.

Добровольность—это не основное. Собака зарыта в другом. Плохо качество учебы, еще плох пропагандист, политучеба не связана с жизнью, с работой ячейки,—вот в чем главное. Это—крупнейшие недостатки нашей политучебы. И тот, кто кричит о добровольности до собственной одури, до оглушения других, тот неправильно ориентирует комсомольцев. Что значит добровольность? Это значит большее разнообразие форм политического образования *при добровольности выбора их, но при обязательности политической учебы.*

Сама по себе добровольность не делает политшколу лучшей. Если формы политобразования плохи, то сколько бы ни кричали: «товарищи, идите туда теперь добровольно, а не насильно», комсомолец скажет: «вот потому, что добровольно, я в плохую школу и не пойду».

Политучеба—часть союзной жизни, и в ней, как в зеркале, отражаются многие общие недостатки последней. Нам думается, что путь улучшения дела политучебы лежит в большей связи ее с жизнью, в том, чтобы она отвечала запросам молодежи, разрешала их сомнения и непонимания.

Нужно вытащить сомнения и недоумения из курилок, уборных, частных квартир на собрание и в политшколу. Нужно сделать так, чтобы комсомолец не боялся заявить свое любое мнение по любому вопросу в своем союзе. Тем, кто эти недоумения, злконные вопросы молодежи будет загонять внутрь, травить за сомнения и

огулом записывать всех сомневающихся в оппозиционеры, надо об'явить решительную борьбу. Нам не нужно верхоглядов и начетчиков. А их не будет только тогда, когда самодеятельность, самокритика разовьются должным образом в нашем союзе. Поэтому в политшколе больше, чем где-либо, должна чувствоваться работа критической мысли и должна быть развернута самодеятельность комсомольцев. Политучеба должна давать ответ на любой «каверзный» политический вопрос, а не загонять их вглубь, не оставлять без ответа. Нужно увязать политшколу и комсомольское собрание на новой основе. Сейчас они похожи друг на друга по своей сухости и скуке. Нужно сделать их родными по бурному кипению мысли, критики, споров. Нужно больше развязать самодеятельность и самокритику в рядах комсомола, это оживит политучебу, это будет стимулировать комсомольцев к политическому образованию. Политучеба будет тогда вооружать комсомольца на борьбу со всеми происками классовых врагов, со всеми трудностями. Комсомолец почувствует, что политшкола дает ему практические знания, а не просто забивает голову сухой книжной мудростью.

Только при этих условиях мы действительно поставим наше политучебное орудие на линию огня.

V. БОРЬБА ЗА НОВЫЙ БЫТ И КОМСОМОЛ

Лозунг культурной революции, данный Лениным, постепенно начинает претворяться в жизнь. XV партийный с'езд поставил под'ем культурного уровня трудящихся, улучшение их быта в качестве одной из крупнейших задач работы партии. Этот лозунг—не абстрактная идея, не материал для работы языков многочисленных докладчиков; он должен быть претворен в конкретные дела каждой ячейки. Культурная революция в широком смысле слова—это не только накопление формальных знаний, но и реорганизация нашего быта, переустройство его на новых началах.

К перестройке быта мы приступили не сегодня. Перестройка быта началась с Октябрьской революции, нанесшей жестокий удар старому быту. Октябрьская революция создала предпосылки для коренной реорганизации быта. Целый ряд учреждений, понятий, законов, институтов был отброшен восставшим пролетариатом, смыт революционной волной. Все было пересмотрено с точки зрения победившего класса. Новый, сильный удар по старому быту дала гражданская война. В этот период революции железные тиски пролетарской диктатуры сдавили горло мещанству и обывательщине. Гражданская война растрепала тихие углы, расплескала гнилые болотца, свирепым ураганом пронеслась по старой морали и отправила многое в исторический архив.

Быт гражданской войны был тяжелый. Не было хлеба, дров, ходили раздетые, разутые, зубы чистились не щеткой, а кулаками. Но хотя это был быт вшивый, осьмушечный, холодный, в нем все же горело яркое пламя революционной войны и он имел много хороших, незабываемых притягательных черт. Коллективизм, товарищество, один за всех и все за одного,—это характерные черты быта гражданской войны. Вспоминаются комсомольские клубы—в Питере они были одно время и казармами,—где все дышало этим коллективизмом, классовой спаянностью. Это не была угрюмая политграмотная сухая спайка. Нет! И в то время было не меньше, если не больше, бодрого комсомольского смеха, и пели не меньше песен. С началом нэпа старое, примятое гражданской войной, стало снова подниматься на поверхность, «устраиваться». Инстинкты наживы, собственничества, индивидуализма ожили. Появились новые «советские» тихие углы, снова подернулись тиной болотца. Борьба за новый быт стала много сложнее.

Быт консервативен. Он больше всего хранит в себе старого. В нем сохранились наиболее прочные корни наших классовых врагов. Они произрастают в обстановке неизжитой еще нужды, технико-экономической отсталости, рождающей неуменье работать, растяпство. Отсюда идет поговорка: «не нами начато, не нами и кончится».

Сейчас движение за новый быт, за знания, за культуру огромно. И это движение выражается не в неисчислимом количестве резолюций, не в широком потоке словоизвержений, а в подлинном, искреннем желании широких масс трудящейся молодежи жить по-новому, жить лучше, жить культурно. В поход против старого идут отдельные люди, партийные и беспартийные, ополчаются целые ячейки комсомола, целые организации. Но это огромное движение еще стихийно. В нем решительный протест против старого переплетается

с известной дозой практической слепоты. Еще мало у нас сознания и умения—что делать, как делать. И вместо того, чтобы этому научить, на десятках диспутов, собраний, в тысячах статей целая армия присяжных ораторов и публицистов обрушивает словесные кулаки на старый быт. Одни четвертуют его и торжественно сжигают; другие—купаются в море воды и пустословии о новом быте; третьи все сводят к какой-нибудь одной, избитой истине: «курить вредно», «надо чистить зубы и ботинки». Почти ежедневно где-то кто-то выдвигает что-то новое. Но правильной классовой целеустремленности в борьбе за новый быт дается очень мало. И на этой стихийности мы проигрываем. Надо, конечно, говорить о новом быте вообще, вырабатывать представление о нем, но помня, что коммунистический быт—еще далекое будущее, и сегодня мы, в лучшем случае, делаем только приблизительный подход к нему. Надо, конечно, максимум внимания уделить мелочам быта, отдавать им должное, но не превращать всю нашу борьбу за новый быт в простую «приборку комнаты». Мы должны «прибрать» наш дом (быт), но сколько его ни подкрашивай и не конопать—он уже стар и нужно строить новый. В быту—смертельная борьба классов, без звуков, без шума. В этой немой схватке старое молчаливо старается душить новое, и здесь оно использует все. За всеми призывами—не курить, не пить, ходить в пиджаке с пуговицами, а не без оных — нельзя терять основное, классовое; *его* надо делать главным и *ему* подчинять все «чистки». Нужно выпятить классовое содержание нашей борьбы за новый быт. Но и на одном выпячивании далеко не уедешь. Нужно его воплотить в конкретные повседневные дела. Нужно работать, работать и еще раз работать над людьми, над «вещами».

Стремление широких масс к культурному быту должно найти себе умелое руководство. Именно в этой области спрос

на руководство сейчас удовлетворяется далеко недостаточно. Что делать, как делать, насколько умело делать—зависит от коммунистического кадра. Эта же проблема в комсомоле зависит от актива. Наш актив обладает многими хорошими качествами, перенятыми от партийных кадров, унаследованными из сокровищницы традиций нашего союза и выработанными в текущей полосе развития революции. Большинство комсомольского актива упорно в своей работе, беззаветно предано делу партии и комсомола, но оно само обладает чрезвычайно низким культурным уровнем. Там, где сейчас тысячи активистов «потеют» над каким-нибудь делом, упорством, самопожертвованием, ценою хищнической растраты своих сил решают какие-либо задачи союзной работы,—там при наличии широкой культуры они делали бы то же самое дело скорее, лучше, с меньшей затратой сил и энергии. Упорством и самопожертвованием мы платим за недостаток культуры. Упорство и самопожертвование—совершенно необходимые качества строителей социализма, но только на них ехать дальше нельзя. При сегодняшних навыках работы мы будем надрываться, будем итти медленнее, чем нужно, будем в сложнейшей полосе нашего строительства делать больше ошибок, чем можно. Чем менее соответствует требованиям этой полосы культурный уровень руководящих кадров комсомола, тем более будет вся организация топтаться на одном месте. Комсомольские активисты не плохие «тезисо-строители», агитаторы, политические организаторы и т. п., но в ряде крупнейших проблем культуры в нашей стране они убоги, они «нищие духом». Это надо признать. Ни чуточки комчванства, ни на иоту прикрашивания здесь быть не должно. С громкими криками, в сопровождении оглушительного оркестра из докладов идет наш актив войной на старый быт—скороспело, неряшливо строя свои окопы, куя свое оружие. Мы провозглашаем громогласно новые формы работы, но не укрепляем их, мало проверяем,

не холим, а провозгласив, ищем, чего бы еще провозгласить. Одни формы работы гибнут—мы, не вдумавшись в причины, провозглашаем новые и т. д.

Нам скажут—из опыта рождаются новые формы, опыт утверждает через некоторый промежуток времени целесообразность нового. Все это правильно. Но так же правильно и другое—опыт не для опыта, а для движения вперед, для работы. Плясать трепака здесь не стоит. Мы должны сейчас перевооружаться в соответствии с новыми задачами партии и комсомола и потребностями масс трудящейся молодежи. Перевооружаться не идейно, а в формах работы, в методах воспитания. Необходимость этого перевооружения была указана на XIV партс'езде, резко поставлена на VII с'езде союза. Это перевооружение идет крайне медленно. Целые организации еще громыхают старыми доспехами, отпугивая ими молодежь. Нужно создать кадры всех родов оружия. Особенно требуются сейчас подготовленные кадры на фронтах культуры и быта. Отсутствие специализации актива—сейчас путы для нашего движения. Вся обстановка указывает на необходимость перехода от партизанщины, кустарничества и ремесленничества к войне по всем правилам искусства против наших классовых врагов на фронте культуры и быта. Из всего этого нетрудно понять, какое боевое значение приобретает культурная квалификация комсомольского актива. Культурная революция стучится в двери нашей молодежи, ее приветствуют широкие массы, а активист, вместо руководителя этого движения, нередко сам становится его об'ектом, превращаясь в «прилагаемое» огромного сдвига. Надо учиться, учиться истории партии, политэкономии, и не только им, но и географии, подлинному, живому русскому языку (а не кастрированному канцелярскими оборотами), естественным наукам и т. п. Вопрос о такого рода учебе должен быть поставлен на обсуждение всего актива.

Мы несколько отвлеклись от вопросов быта широких масс молодежи. Но это отступление законно, ибо борьба за новый быт—серьезная и длительная борьба, и от руководящих кадров комсомола будет в значительной мере зависеть победа четырехмиллионной армии комсомольцев и юных пионеров.

Новый быт строить трудно, хотя бы просто потому, что он новый. Буржуазный быт, буржуазная мораль, писанная и неписанная, были разработаны до мельчайших деталей. Если бы надо было строить буржуазный быт, то к нашим услугам были бы и «расчеты», и «чертежи» и специалисты-охотники. Образчиков нового быта нет, «чертежей» и «расчетов»—тоже. Новый быт мы не списываем с чего-то, а творим. Строительство нового быта—это подлинное творчество, и, как всякое творчество, оно дается мучительным трудом.

Строя новый быт, надо избегать как сужения наших задач, так и устремления в необ'ятное. Здесь нужно подниматься со ступеньки на ступеньку. Новый быт должен расти на новой материально-технической основе. Это—в значительной мере вопрос жилищ, дорог, электричества, телефона.

Индустриализация страны предполагает, как следствие, изменение материально-технической основы современного быта. Партия и государство энергично работают в этой области. Строятся новые заводы, фабрики, жилища, дороги и т. д. В них мы узнаем первые основные черты нового быта.

Другие черты его—это гораздо более высокий, чем сегодня, уровень культурности трудящихся масс. Наш «теперешний» уровень культурности неизмеримо далек от идеала. А ведь без под'ема культурного уровня масс никакой и речи о новом быте не может быть. Нужно поэтому накоплять знания, нужно обладать большим багажом и просто формальных знаний. Следовательно, развитие школьной сети,

различных высших учебных заведений, а также внешкольной политико-просветительной работы есть составная часть работы по переустройству сегодняшнего быта.

На основе всего этого должны постепенно меняться и качества, свойственные современным людям, но еще совершенно не отвечающие тем, к которым мы стремимся. Работая над переустройством своего быта, человек должен менять свою собственную природу, становиться иным. Таким образом, прививать новые навыки жизни и труда, изменять отношение к человеку—такова третья черта нового быта.

Все эти проблемы будут решаться десятилетиями, но нечего полагаться на «стихийный» ход вещей и ждать, когда все это само придет, а надо работать и все, что возможно в рамках сегодняшних условий, делать. А возможного—уйма. Косность, неповоротливость, безалаберность мешают нам использовать эти возможности. Комсомол, как крупная общественная сила, помогая партии в огромном, рассчитанном на длительный срок коренном переустройстве нашего быта, должен вместе с тем обратить серьезное внимание на всякие отрицательные «мелочи» в быту, которые можно искоренить *сегодня же*. Но для этого нужно крепко ударить по косности и обломовщине, железной метлой вымести все наследие старого, крепостнического, варварского уклада из нашей жизни. Уже сегодня мы можем внести в наш быт все полезное из буржуазной культуры. Мы можем и должны начать сегодня же перенимать такие необходимые вещи, как трудовую дисциплину, навыки личной и общественной гигиены и т. п.

Но делать все это мы должны критически, подходя ко всему со своей классовой точки зрения, помня, что мы живем в эпоху борьбы.

Мимо многого наши комсомольские ячейки проходят не замечая. Сейчас от этой практической слепоты нужно

отучиться. Особенно мы должны обратить внимание на работу в четырех основных направлениях:

1) нужно завоевать чувства молодежи;

2) нужно по-коммунистически организовать семейную жизнь комсомольцев (вопрос о замужней комсомолке);

3) нужно вымести неоправдываемое неряшество и растяпство;

4) нужно поднять «цену человека» в союзе, перестать относиться к нему, как к вещи.

Мы не можем безразлично относиться к таким фактам, когда девушки упиваются чтением произведений графа Амори. Мимо нас не должны проходить переживания молодежи, ее любовные трагедии, ее стремление принарядиться, украсить свою жизнь. Мы не можем оставаться равнодушными зрителями трагического положения многих замужних комсомолок, терпеть дальше в нашей среде такие явления, когда муж уходит в клуб, а она, умаянная ребенком, сушит пеленки, когда воспитание детей взваливается только на ее плечи, когда она превращается в придаток кухни и является только вещью, удовлетворяющей потребности своего мужа. Нельзя «беспартийно» наблюдать неряшество и грязь в студенческих и рабочих общежитиях, в квартирах комсомольцев. Такие явления, когда комсомолец снаружи разодет, нафабрен хоть куда, а под этой внешней привлекательностью — тлеющее, рассыпающееся от грязи нижнее белье, не могут дальше иметь место у нас. Для нас также совсем не безразличны и такие факты, когда фабзавучник, зарабатывающий в обрез, в один присест проедает треть заработка, а потом недели живет сухим хлебом. *Все эти «личные» вопросы должны стать в центре внимания всей нашей организации.*

В самом деле, разве может комсомол пройти мимо такого безобразия, когда в общежитии 1 МГУ в одной из

комнат «пол не подметается по неделям, одежда вместе с хлебом на столе. Спят в одежде и сапогах на кроватях. Простыни и наволочки грязные, месяцами не стираются. Кружки, из которых пьют,—под кроватями. «Негде ставить»—попьет чай и под кровать до следующего раза» («Комсомольская Правда»).

Спрашивается: какие об'ективные условия мешают подметать пол, ставить кружки на стол, а не под кровать, и мыть их? Косность и растяпство—вот что мешает.

А вот какое творчество расцветает на почве этого в некоторых рабочих казармах Донбасса (Я. Ильин—«Романтика будней». Журн. «Культура и Революция» № 3—4, 1927 г.):

> Холостяцкая казарма—нары да клопы,
> Всюду пыль, на грязных окнах лазят пауки,
> Ни минуты нет отрады: шахты да кровать;
> Успокоишься, забудешь, когда ляжешь спать.
> А в получку—карты, пьянка, драка да ругня,
> Так проходит безотрадно молодость моя...

Сколько и здесь косности и растяпства! Неужели клопов нельзя вывести? Почему всюду пыль и нельзя ее вымести, обтирать? Неужели зловредные пауки на грязных окнах недосягаемы? Неужели вся эта мразь может быть стерта только по выполнении пятилетнего плана хозяйственного развития СССР? Нет. Такая «безотрадная молодость» существует потому, что рутина, привычка—«как-нибудь переживем»—держит в своих цепких лапах рабочую молодежь, покрывает ее пылью, пускает на нее пауков, множит клопов. И Як. Ильин правильно об'яснил, что «засасывает круговая безответственность и привычка к неряшеству». В доказательство этого он приводит и положительный факт: «Через бесконечные волокитные инстанции, через насмешки и надругательства сотоварищей прорвались к новому быту 17 ребят и 5 девушек, организовавших образцовое общежитие в одной

из казарм». Новое общежитие описывает в письме тов. Туров (г. Шахты, Северо-Кавказ. края): «Дом поражает чистотой и опрятностью. Видно, что здесь живет крепко спаянный коллектив. Это общежитие—громаднейшее завоевание передовых комсомольцев. Среди грязи и неустроенной жизни Панин и Шитов—руководящие коллективом передовые застрельщики нового быта. Бюро коллектива организовало общественное питание. Наняли двух кухарок. Эти кухарки стирают белье, убирают комнаты и готовят пищу. Вместо шикования в получку и сухомятки потом—у них постоянная сытая пища. В этом коллективе живут ребята, получающие от 28 до 30 руб., но живут лучше получающих в 2—3 раза больше».

Вот пример, заслуживающий всякого подражания. Вот что значит перестраивать быт. Вот как надо на работе по быту воспитывать трудящуюся молодежь. Пусть пришлось пройти сквозь строй насмешек, но упорством взяли, сломали косность в себе и сумели проломиться сквозь стену косности других.

Такую же брешь надо пробивать и в другой стороне быта—в отношении к человеку, к своему товарищу по классу и борьбе, по организации. Здесь больше всего возмущает варварское отношение к женщине. Факты не нужно далеко искать. Вот, например, один самодур—секретарь райкома комсомола—запрещает комсомолке Николенко гулять с беспартийными, угрожая в противном случае поставить о ней вопрос на бюро РК. Но это пустяки еще. А вот более крупные факты, рассказанные «Большевистской Сменой» (январь 1928 г.): «Комсомолка Данилова гуляла с комсомольцем Изотовым. Забеременела от него. Изотову это было не по душе, и он решил избавиться от нее, избрав следующий путь. Рассказал своему другу Ткачу, что Данилова беременна, и посоветовал ему использовать ее под угрозой, что он (Ткач) расскажет всем про ее беременность, если она не согла-

сится. Ткач угрозой вынудил Данилову проводить с ним ночи. Этим воспользовался Изотов и заявил ей, что он с ней больше ничего иметь не желает. Ткач, пожив с Даниловой, проделал с ней такой же фокус. Данилова попала в третьи руки, а потом и в четвертые. В ячейке кое-кто узнал, стали смеяться и издеваться над Даниловой. Данилова некоторое время терпела, а потом подала заявление в бюро ячейки. Там ее встретили также насмешками. *Данилова повесилась».*

Безобразнее этого факта трудно придумать. И здесь нечего утешаться тем, что таких фактов не так уж много. Раз могут жить такие факты, раз может *в таких* случаях комсомольская ячейка посмеиваться, то что же она будет делать, когда факты будут «помельче»? А «мелких» сколько? Та же газета сообщает еще два «мелких» факта: первый—комсомолку Петрусенко за то, что она не отдалась приставшим к ней членам бюро ячейки, бюро исключило из комсомола за невыполнение «нагрузок», второй—комсомольцу Василенко за изнасилование 15-летней девочки-пионерки бюро одной ячейки поставило только на вид.

Борьба за новый быт—это вместе с тем и борьба за товарищеское отношение к женщине. Комсомол, как организация молодежи, в первую очередь и решительнее, чем кто бы то ни было, должен обрушиться на все проявления варварства в этой области и Изотовых и ему подобных изгонять из своих рядов. Но изгонять мало, надо и предупреждать возникновение таких Изотовых воспитательной работой, чутким, внимательным, дружным отношением комсомольца к комсомолке, как к товарищу по борьбе, по классу и по организации.

Другие три факта, которые мы хотим привести, выросли уже не на половой почве, а на почве вообще бездушия к людям. В «Комсомольской Правде» была помещена кор-

респонденция из Ленинграда, описывающая три самоубийства, случившиеся в довольно короткий срок в одной и той же ячейке комсомола. Краткое содержание корреспонденции таково: комсомолец Парфенов работал два с половиной года нагревальщиком болтов. Однажды он пришел в коллектив и попросил, нельзя ли его перевести с болтов на такую работу, где возможно получить квалификацию. В коллективе пообещали, сказали, что будут иметь на примете, и велели зайти еще раз. Зашел Парфенов еще раз, ответа не получил. Велели зайти еще как-нибудь. Стал ходить чаще, пока не облаяли и не сказали, что ничего не выйдет. Парфенов после этого впервые напился, познакомился в пивной с какими-то грузчиками и втянулся в их кампанию. Он стал пить чаще и чаще. Старуха-мать, видя, что с сыном творится неладное, пришла в ячейку просить о помощи, чтобы поддержали ее сына Митю. Парфенова вызвали на бюро ячейки, учинили допрос и закатили выговор. Вскоре—второй выговор. В цехе над Парфеновым стали издеваться, как над пьянчужкой, шеромыжником, пройдохой. Не выдержал Парфенов заплаканных глаз матери, подковыриваний товарищей, казенного отношения коллектива и 18 августа 1927 г. выбросился из окна 2-го этажа.

Второй—Николай Семенов, калильщик. Жил одиноко, неумело расходуя заработок, не вылезая из грязи и мрака. Влез в долги. Запил от своей неустроенной жизни. Об этом через некоторое время узнало бюро. Вызвали. Закатили выговор. Потом—второй, третий.

— Вы меня со дна спасите, а не выговоры давайте!—кричал Семенов на бюро.

— Ты не маленький, сам спасайся, а будешь пить—исключим,—отвечали ему. Его исключили. 23 окт. 1927 г. Семенов повесился. На призыв друга Семенова, комсомольца

Эстеркина—не пройти мимо самоубийства, сделать уроки из него, выводы для себя,—секретарь ячейки ответил: коллектив не виноват, что кто-то там вешается.

Третьим покончил с собой Ридель. Работал браковщиком. Воевал против белогвардейцев. Ридель хорошо работал на производстве. Был выбран в агитпропы всего коллектива, рабочие его послали в Ленинградский совет, он готовился в вуз. Был трудолюбивый, неутомимый парень. Осенью 1927 г. сдал экзамен на третий курс Политехнического Института. Стал учиться. В коллективе начали издеваться: «студентиком стал». Работы в коллективе никакой не дали, отшатнулись, стали относиться как к чужому, стали даже третировать. Не вынес Ридель—1 января 1928 г. он застрелился.

Все эти три факта имели место на Ленинградской судостроительной верфи и сообщены в «Ком. Пр.» тов. Безбородовым. В комсомольском коллективе этой верфи к человеку относились хуже, чем к вещи. Затравили, затюкали три жизни, трех комсомольцев. Разве нельзя было спасти Парфенова и Семенова от пьянки? Можно было! Но их «спасали» не помощью, не советом, не разговором,—а выговорами. «Сам спасайся»—как от этого несет хищничеством, индивидуализмом, принципом буржуазной морали—«каждый живет по-своему». Вот оно, старое! Вот как оно хватает за горло молодое. Такое отношение к человеку нужно выкорчевывать, и в этом—крупнейшая задача борьбы за новый быт.

В связи со всеми этими проблемами (завоевание чувств молодежи, борьба с неряшеством и растяпством, устройство семейной жизни комсомольцев, борьба за новое отношение к человеку) перед комсомолом встают серьезно и такие вопросы, как вопрос о художественной литературе, театре,

кино, радио, клубе, о вечерах молодежи и других видах *развлечений. Завоевывать чувства молодежи*, организовывать их в нужном нам направлении нельзя через собрания и политшколы. Надо повести широкую художественную работу. Комсомол должен еще быстрее двигаться вперед во всех этих областях. В частности, комсомол, начиная от ячейки и кончая ЦК, должен встать ближе к пролетарскому писателю, к кино-режиссеру и сценаристу. Продолжает остро стоять вопрос о работе юнсекции, об организации развлечений. Нужно внимание домашней вечеринке. Усилением работы в этих областях нужно продолжать бить пьянство и хулиганство среди трудящейся молодежи.

Быт не перестроишь докладами. Старую привычку не смоешь нравоучениями, как пятнышко, не изымешь в порядке выговора и дисциплины. Нужна упорная, повседневная работа, хотя бы по примеру шахтинских комсомольцев. Огромная часть жизни трудящейся молодежи проходит в домах, квартирах, общежитиях. Надо пролезть в жилища. Надо поставить вопрос о формах работы в домах, где есть хоть небольшая горсточка комсомольцев и где наблюдается скопление молодежи. Домашняя вечеринка—это одна форма. В дополнение к клубу нужно найти новые формы работы, которые бы помогли организовать времяпровождение молодежи, работу над собой, которые бы прогнали грязь, неряшество из наших квартир и комнат. Есть много таких задач, которые мы можем выполнять только забравшись в жилища. Без этого бытовую работу на серьезную ногу не поставишь. Перестраивая быт, мы должны выгонять из него индивидуалистическое, собственническое, разрушать принцип буржуазного быта—«каждый по-своему», «для себя».

В детстве Максим Горький не раз слышал от своего деда: «Человек—в роде рубля: перевернулся в хорошем обороте—три целковых стало! Думаешь, легко жить-то? Нет,

очень не легко! Мир человеку—темная ночь, каждый сам себе светить должен. Всем дано по десятку пальцев, а всякий хочет больше взять своими-то руками. Надо явить силу, а нет силы—хитрость; кто мал да слаб, тот—ни в рай, ни в ад! Живи, будто, со всеми, а помни, что—один; всякого слушай, никому не верь; на глаз поверишь, криво отмеришь. Помалкивай, — дома да города строят не языком, а рублем да топором. Ты не башкирец, не калмык, у коих все богатство—вши да овцы...»

«Слова нравились мне,—замечает Горький,—но к смыслу их я относился недоверчиво. Из его слов было ясно, что человеку мешают жить, как он хочет, две силы: бог и люди».

Советы деда Горького насквозь индивидуалистичны, его философия—продукт страшнейшей конкуренции людей в буржуазном обществе. «Не ты меня, так я тебя»—вот эта философия. Да, тогда «каждый сам себе светил». Да, тогда каждый приучался «больше взять своими руками». Это мораль индивидуализма. А разве не прозвучал в унисон этой дедовской философии совет, данный коллективом Сев. верфи Семенову,—«сам спасайся»? В нем заключен тот же смысл, как и в дедовском выражении: «каждый сам себе светить должен».

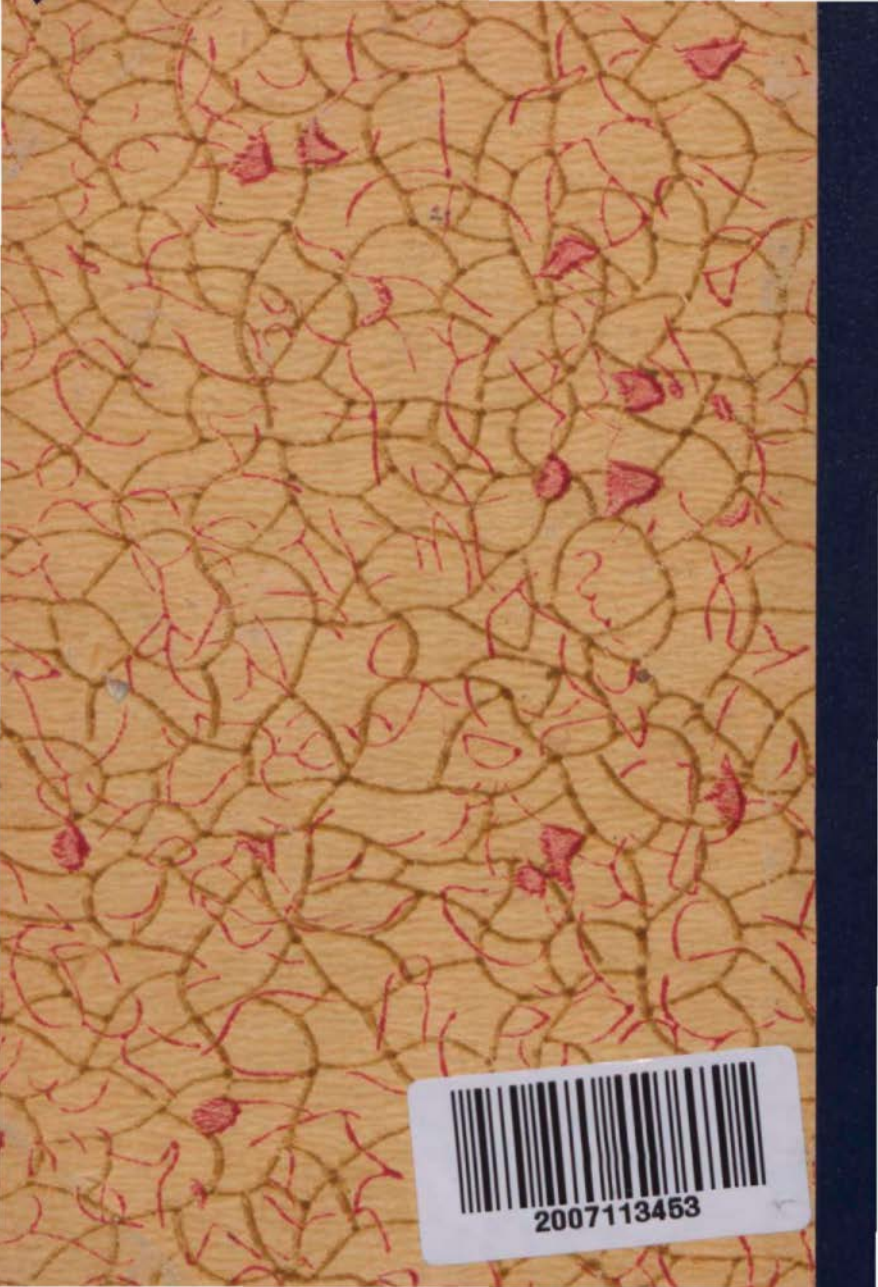
Принцип индивидуализма мы должны вышибать из нашего быта и заменять его принципом взаимопомощи, товарищества, жизни сообща (конечно, не в казарменном смысле). Нужно ткать новую ткань быта, ткань коллективизма. И нужно понять, что чем больше мы будем культивировать принципы взаимопомощи, тем скорее выгоним неряшество и растяпство, тем меньше будет замужняя комсомолка торчать у кухни и пеленок и не будут иметь место такие факты, как самоубийства Парфеновых, Семеновых, Риделей. Одна воля—хорошо, а единство многих воль—

страшная сила. Борьба за эти принципы в быту, в отношении человека к человеку — должна быть главным в нашей бытовой работе. Все остальное, все мелочи быта должны быть подчинены этому. А это и будет значить, что наша бытовая работа подчинена нашим общим задачам борьбы, задачам коммунистического воспитания молодежи.

35 коп.
Р
15361

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

Москва, Новая площадь, дом 6/8. Ленинград, Проспект 25 Октября, 54. Харьков, Горяиновский пер., Дворец Труда, магазин 15. Ростов н/Дону, ул. Фр. Энгельса, дом 102. Киев, ул. Воровского, 25, Пассаж, 33. Свердловск, улица Малышева, 56.


2007113453